

Часть I

ЕВРОПА И МИР

Глава 1. Современный мир – разгон противостояния «великих держав»

Ал.А. Громыко

Процессы децентрализации: экономика, политика, социум

События 2022 г. стали очередным подтверждением широко распространённого тезиса о том, что система глобального управления и регулирования, мировая политика и международные отношения переживают сложный, драматичный и длительной период трансформации. При всем разнообразии многочисленных интерпретаций этих процессов, гипотез и теорий представляется, что их объединяет тема *децентрализации* практически во всех сферах мироустройства. Конечно, и она может быть подана по-разному – в терминах деглобализации или многоуровневого управления, фрагментации или регионализации, другими словами – истолкована как отрицательно, так и положительно.

При этом суть явления неизменно заключается в том, что всё чаще решения, направленные на изменение мирового политического ландшафта, должны приниматься широкими коалициями государств (и/или иных субъектов мировой политики), которые, в свою очередь, стремятся укрепить или занять важное место в работе максимального числа международных организаций для отстаивания своих интересов и интересов союзников. Центров принятия решения становится всё больше. Сверхдержавы в их былом понимании ушли в прошлое, уступив место «нишевым державам» – государствам-лидерам в определённом количестве областей. Те или иные стратегии на международной арене имеют шанс на реализацию лишь при условии совпадения интересов значительного числа стран, группирующихся вокруг государства-лидера или образующих различные «клубные», сетевые форматы для коллективной выработки решений.

На уровне государств усложнение проблем внутреннего развития и внешней политики также требует учёта всё большего числа интересов. В *мировой экономике* данные тенденции заявили о себе несколько десятилетий назад, в эпоху тэтчеризма и рейганомии, политики по раскрепощению рыночных сил, либерализации мировой торговли и финансов, перехода от модели экономики спроса к экономике предложения. Речь тогда шла о созидательной децентрализации на индивидуалистических началах. Однако «экономика акционеров», распыление частной собственности, приватизация и другие рычаги по раскрепощению капитала со временем привели к обратному эффекту. Сокрушив во многих странах государственный и профсоюзный контроль над экономическими процессами и механизмами перераспределения богатства, «неолиберальная волна» открыла дорогу формированию мировой финансовой олигархии, картелизации и монополизму на рыночных просторах, другими словами – централизации, основанной на этот раз на догматичном представлении об экономических свободах и примате частного над общественным. Не случайно «общество благосостояния», сложившееся в Европе после Второй мировой войны на основе идей социального рынка, стало подвергаться масштабной коррозии начиная с 1980-х гг.

Ряд известных экономистов били тревогу по поводу неолиберальной ортодоксии и её разрушительного воздействия на рынки уже в первой половине 1990-х гг. Так, британский учёный и успешный бизнесмен Пол Ормерод писал: «Современная ортодоксальная экономическая наука... оторвалась от своих корней конца XVIII – начала XIX веков... Её метод анализа изолирован от более широкого социального контекста»¹. С его размышлениями перекликалась обеспокоенность Самуэля Бриттана об эволюции различных течений либерализма. «В мире политики образовался трагический раскол между двумя сторонами либеральной традиции, – писал он в 1995 г. – Те, кто радел больше всего за гражданские свободы, открытое правительство... сместились влево, тогда как сторонники в первую очередь экономического либерализма – вправо. В результате у обеих сторон произошло идейное обнищание»².

Реагируя на указанные вызовы, был предложен целый ряд новых идей, среди которых выделялись стейкхолдерство и ком-

¹ *Ormerod P.* The Death of Economics. London, Boston: Faber and Faber, 1994. P. 21.

² *Brittan S.* Capitalism with a Human Face. Hants, Vt: Edward Elgar Publishing, 1995. P. 266.

мунитаризм, которые опирались на принцип децентрализации на облагоороженных началах, на представление о капитализме с «человеческим лицом». Социальный рынок достаточно долго оставался декларируемым принципом развития Европейского Союза, в котором получил наибольшее воплощение в странах Северной Европы. Однако «экономика акционеров», рыночное равновесие, соображения максимизации прибыли как мейнстрим неоклассической экономической мысли и практики пережили и «великую рецессию» 2008–2009 гг., и последующие попытки их демонтажа в пользу чего-то более социально справедливого. Стейкхолдерство и коммуитаризм остались уделом узкой группы интеллектуалов. Что касается концепции «энергетического перехода» и «зелёной экономики», ставшей для многих развитых государств на рубеже 2010–2020-х гг. стратегией по сохранению своей конкурентоспособности, то они так же слабо связаны с постулатами свободного рынка, как и неолиберальная ортодоксия, напрямую зависят от государственного вмешательства в экономику, и в этом смысле ведут к процессам по централизации принятия и выполнения решений. Одновременно эти действия ведут к нарастанию конфликтного потенциала между странами, участвующими в «переходе», не говоря уже об усилении противоречий между ними и странами-поставщиками невозобновляемых энергетических ресурсов (нефть, газ, уголь). Другими словами, эти действия ведут к дальнейшей децентрализации на глобальном уровне.

В *мировой политике* процессы децентрализации каскадным образом развивались с 1990-х гг. Одна из их граней отражена в становлении стратегических отношений между Россией и Китаем и общих подходах к международной архитектуре управления. Эволюция совместных взглядов Москвы и Пекина в этой сфере наглядно прослеживается в текстах деклараций и заявлений, начиная с Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 года и до недавнего Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии³. Процессы децентрализации проявили себя в распаде СССР, СЭВ, ОВД, Югославии, Чехословакии. Многие в тот период рассматривали эти события как «созидательное разрушение» по Шумпетеру – своего рода аналога устранения государ-

³ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770>

ственного влияния и возвращения к идее «государства – ночного сторожа» в сфере экономики. Позже, как и в области экономики, где неолиберальная децентрализация привела к неприемлемым побочным эффектам, в дискурсе о состоянии международных отношений распространились идеи «мести географии»⁴, «мести истории»⁵, пост-Запада⁶, возвращения геополитического противостояния великих держав⁷, распада мира на отдельные региональные блоки⁸.

Популярная в ранний постсоветский период концепция однополярности с центром в США лишь затушёвывала разгон центробежных сил на международной арене. В первое десятилетие XXI столетия мир де-факто уже вошёл в эпоху полицентричности, кристаллизация основных параметров которой заканчивается, судя по всему, в 2020-е гг. Попытки централизации в современной мировой политике предпринимались не раз. Так, переформатирование Евро-Атлантического региона предполагалось на основе нарратива «европейской мечты», согласно которому Евросоюз собирался перехватить пальму первенства у США. На его место пришла установка «стратегической автономии» ЕС, в случае успеха внедрения которой появился бы своего рода «двухъядерный Запад», в котором Брюссель и Вашингтон выступали бы равновеликими центрами силы. В России возникла концепция «большого евразийского партнёрства»⁹ в противовес новому раунду объеди-

⁴ *Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2019.

⁵ *Milne S.* The Revenge of History: The Battle for the Twenty-First Century. London: Verso, New York, 2012; *Goldstein L. J.* From Siberia to Crimea: The Revenge of History in U.S.-Russian Relations // The National Interest. 12 January 2013.

⁶ *Stuenkel O.* Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order. Malden, MA: Polity, 2016; Munich Security Report 2020. Westlessness. URL: https://www.researchgate.net/publication/339326217_Munich_Security_Report_2020_Westlessness

⁷ *Kroenig M.* The Return of Great Power Rivalry: Democracy versus Autocracy from the Ancient World to the U.S. and China. New York: Oxford University Press, 2020.

⁸ Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Пер. с англ.; под ред. А.А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016; Глобальные будущие тенденции 2030: альтернативные миры. Краткий обзор / Национальный совет по разведке, декабрь 2012. URL: http://cawater-info.net/library/rus/global_trends_2030.pdf

⁹ *Кортунов А.А.* Восемь принципов Большого евразийского партнёрства. 25 сентября 2020. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/>

нительных проектов на Западе. Если она докажет свою жизнеспособность, то может возникнуть «двухъядерный Восток» с системообразующей ролью Российской Федерации и Китая.

В любом случае речь идёт о той или иной степени децентрализации глобальных политических процессов. Она не противоречит, а, напротив, способствует объединительным тенденциям на более низком, региональном и трансрегиональном уровнях, что находит выражение в дальнейших федеративных веяниях в ЕС и в усилиях по интеграции в рамках Евразийского экономического союза и других постсоветских межгосударственных организациях с лидирующей ролью России, в растущем членстве, полном или ассоциированном, в ШОС и БРИКС. Проявлением такой децентрализации является и распространение модели ситуативных коалиций, коалиций «изменяющейся геометрии», клубным международным форматам (БРИКС, «большая двадцатка» и др.). Процессы децентрализации находят выражение в феномене «стратегической расстыковки» США с европейскими союзниками, временно затушёванном украинском кризисом, в попытках Вашингтона возродить представления о делении мира на демократии и автократии, о «новой холодной войне», на этот раз с Китаем.

Таким образом, процессы по объективной децентрализации и усилению полицентричности на глобальном уровне сопровождаются усилиями по централизации на более низком уровне. Причём в представлении их основных драйверов (США, ЕС, России, Китая) есть как «правильная», так и «неправильная» централизация. ЕС воспринимает интеграционные процессы под своей эгидой в качестве легитимных и естественных, тогда как сближение других центров силы на Востоке считается опасным и контрпродуктивным. В связи с этим возрастают усилия противоположных сторон по недопущению интеграции на «противоположной стороне», создаются разного рода «санитарные кордоны» и буферные зоны (проекты ГУАМ, Триморье, Четырёхсторонний диалог по безопасности – QUAD и др.). Однако и сами государства-лидеры, и объединения вокруг них проходят испытание на прочность, о чём свидетельствуют умножение внутренних расколов в США, брекзит в ЕС, новая череда конфликтов на постсоветском пространстве.

Проследить упорядоченность в этом столкновении центробежных и центростремительных явлений пока довольно сложно. В результате складывается обоснованное впечатление о хаотизации современного политического пространства¹⁰. Звучит разногласие мнений о том, ведёт ли полицентризм к дальнейшему росту неопределённости и накоплению рисков, или новый миропорядок должен представлять собой устойчивое и стабильное равновесие сил, которое миру ещё надо «нащупать». С учётом того, что такой поиск идёт уже более тридцати лет после ухода в прошлое биполярности, логично поставить вопрос: что является переходным периодом и что — «конечным пунктом» такой полицентричности? Должен ли миропорядок расцениваться как период «новой стабильности», а значит, период текущей дестабилизации — как очередной переход, транзит между предыдущей и последующей стабильностью? Или транзит, как он сейчас воспринимается, — это в действительности и есть новый и уже во многом сложившийся миропорядок? Должен ли любой мировой порядок предполагать «наличие баланса сил»¹¹, или отсутствие такого баланса становится его константой (по крайней мере, характеристикой длительного периода в истории международных отношений)? Другими словами, если раньше периоды статики в международных отношениях воспринимались как конечный пункт очередного витка глобальных изменений, то вполне возможно, что в мире современного полицентризма текущий период текучести и изменчивости им и является.

В иных формах полицентризм существовал и в предыдущие исторические эпохи, например в XIX в., в рамках Старого Света и в виде «концерта держав», стараниями которого на достаточно длительный срок был достигнут период очередной стабилизации. Однако, по определению, это был пример регионального полицентризма, хотя и с вовлечением ряда крупнейших на тот момент европейских империй с владениями по всему миру, тогда как в XXI столетии полицентризм обрёл новое качество — глобальность. Элементы полицентризма были частью послевоенного урегулирования, когда с 1945 г. постоянными членами Совета Безопасности ООН стали СССР, США, Китай, Франция и Британия. Однако роль Китая длительное время являлась усечённой. После

¹⁰ *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // *Полис. Политические исследования.* 2020. № 4. С. 24–35.

¹¹ Там же. С. 27.

победы над Гоминьданом в 1949 г. и провозглашения Китайской Народной Республики, официальный Пекин при неизменной поддержке СССР добился членства в ООН только в 1971 г., а с США дипломатические отношения были установлены лишь в 1979-м.

В *мировом социальном, культурном, ценностном пространстве*, вслед за политическим и экономическим, процессы децентрализации также развивались ускоряющимся темпом. Множились модели социально-экономического развития, которых насчитывается несколько в самом Евросоюзе. Вестернизация и американизация социальных и культурных норм, шедшая высокими темпами до конца XX в., сменилась противоположной тенденцией по возрождению и укреплению местных особенностей по мере ренессанса института государства-нации и цивилизационных характеристик различных обществ и культур. Одним из символов этого стал феномен Болливуда. В сфере культуры продвижение либеральных идей, доведённых до абсолюта, столкнулось с сильным сопротивлением и критикой¹². Как и в описанных выше процессах, «пересборка» социального пространства с целью его централизации в пику центробежным глобальным явлениям шла на региональном уровне. Продолжаются попытки дальнейшей унификации в ЕС общеевропейской идентичности, в которой популярной в недалёком прошлом концепции мультикультурализма уже нет места. Китай проводит системную работу по популяризации своих образов будущего и социальных практик на основе «китайской мечты». США после избрания на пост президента страны Дж. Байдена удвоили усилия по сплочиванию вокруг себя союзников на идеологической основе. Россия, особенно в последние годы, всё активнее противопоставляет себя Западу в качестве традиционалистской альтернативы¹³.

Неолиберальная модель: головокружение от успехов

В международный дискурс о мироустройстве вошёл тезис о либеральном мировом порядке, который якобы находится под угрозой со стороны авторитарных режимов и нуждается в защите. В большинстве случаев подразумевается порядок, который установили

¹² Громыко Ал.А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // *Общественные науки и современность*. 2022. № 3. С. 7–20.

¹³ См.: Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. URL:<http://kremlin.ru/acts/news/69285>

Соединённые Штаты в подконтрольной им части мира после 1945 г. С этой точки зрения в глобальном масштабе он никогда в практическом плане не существовал, если только фигурально. По ходу истории свои порядки действовали в тех подсистемах международных отношений, где доминировали ведущие центры силы, и, если брать период холодной войны, — в подсистемах под руководством СССР и США.

Представляется, что вместо категории «порядок» точнее говорить о моделях международных отношений, которые каждый раз включали в себя несколько сфер влияния с присущим им политическим, экономическим и социальным пространством. Вашингтон, действительно, долгое время претендовал на создание «либерального мирового порядка», в то время как СССР — на создание «социалистического». Но эти намерения никогда не были воплощены в жизнь. Для каждой из сторон их представление о порядке было связано с определённой эталонной нормативной теорией. Если связывать проект «либерального мирового порядка» со сферой влияния США и их экспансионизмом, а нарастание их изоляционизма и прагматизма при Д. Трампе и во многом по-прежнему при Дж. Байдене — с ослаблением могущества Соединённых Штатов, то закат этого проекта неизбежен. Это следует из того, что по мере дальнейшего снижения веса США в международных отношениях, происходящего как по независимым от них причинам, так и вследствие допущенных ими стратегических ошибок, Вашингтон «сбрасывает» с себя всё большее число глобальных функций, пытаясь сосредоточиться на той части мира, где ещё обладает лидерством.

Во многом закат «либерального мирового порядка» стал следствием перерождения философии либерализма в политической, экономической и социальной сферах. В этом отношении показательны размышления известного теоретика и популяризатора либерализма Т.Г. Эша¹⁴, который для нынешнего поколения западных политологов является фигурой, сравнимой с кумирами поколения их родителей — К. Поппером, И. Берлином, Р. Ароном и др. Под влиянием современных реалий последовательный защитник либерализма призывает глубоко пересмотреть подходы к воплощению либеральных постулатов в жизнь. В его понимании речь идёт о спасении «либерально-демократического капитализма» во всех его ипостасях, включая левый либерализм, с которым он в Британии ассоциирует политику К. Стармера, лидера Лейбористской пар-

¹⁴ *Ash T.G. The Future of Liberalism // Prospect, Winter Special 2021. P. 18–28.*

тии. Профессор Оксфордского университета указывает на наличие системных проблем: опыт президентства Д. Трампа в США, популярность М. Ле Пен во Франции, политика В. Орбана в Венгрии¹⁵, китайская модель развития и другие явления, которые характеризуются, как «либеральные», авторитарные и проч. Т.Г. Эш делает неожиданное для западного политологического мейнстрима признание — в последние 30 лет либерализмом именовали нечто совсем иное — одномерный экономический либерализм, который в своём худшем исполнении вылился в догматический рыночный фундаментализм (другие эпитеты: редуцированный, технократический, англо-американский либерализм).

На деле трансформация современного либерализма пошла намного дальше, чем доминирование длительное время его неолиберальной экономической версии и создание глобального финансового капитализма. Парадоксально, но те, кто считают себя наследниками тэтчеризма и рейганомики, Ф. фон Хайека и М. Фридмана, К. Поппера и И. Берлина сыграли ведущую роль в демонтаже рыночных устоев мировой экономики. В столкновение пришли политические, ценностные подходы неолибералов, с одной стороны, и экономические — с другой. Тэтчер и главные идеологи политики, получившей позже её имя, возводили в абсолют «малое государство» и превозносили свободный рынок. Внедрение неолиберальной модели капитализма привело к тому, что в 1980–1990-е гг. экономика, рынок во многом подмяли под себя политику, государство. Не случайно именно в 1990-е гг. широко распространились представления о размывании границ государства, об уходе на вторые роли института нации-государства в мировой политике и перехвате его функций другими субъектами мировой политики, включая ТНК, о виртуализации мира и критическом ослаблении географического фактора. По мнению Жан-Мари Гиэнно, «...теперь мы способны создать всевозможные “виртуальные сообщества”, которые освободят нас от ограничений географии и от традиционных политических структур, которые на протяжении столь длительного времени формировали наши действия»¹⁶.

Такие подходы выразились в представлении о неолиберальной версии глобализации, главным бенефициаром которой является

¹⁵ Большой резонанс получила концептуальная речь В. Орбана в Тушнадфюреде 23 июля 2022 г. См.: *Шишелина Л.Н.* Виктор Орбан: «Что делать?» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 4. С. 86–94.

¹⁶ *Guehenno J.-M.* The End of the Nation-State. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. 141.

западный капитализм, как о наиболее эффективном механизме разделения труда, создания и перераспределения богатств в мире. Однако по прошествии двадцати лет популярность набрали совсем иные взгляды. Так, Роберт Каплан в русле теории реализма, и переключаясь с идеями Самуэля Хантингтона, утверждал: «Сама по себе глобализация способствовала возрождению местного патриотизма и местных особенностей, которые во многих случаях строятся на различиях в этническом и религиозном сознании, привязанным к определённым ландшафтам. Следовательно, их лучше всего объяснять, обращаясь к карте рельефа местности»¹⁷.

Проблемы неолиберальной модели капитализма крылись в «головокружении от успехов», в излишней самоуверенности после исчезновения идеологических соперников. Социалистическая альтернатива была похоронена в результате распада Советского Союза и всей социалистической системы. «Неолиберальную волну» не выдержала ни теоретически, ни практически и другая, умеренная альтернатива — европейский «третий путь» (также «средний путь»), опиравшийся на принцип социального рынка и государства благосостояния. Об этом уже в середине 1990-х гг. писал Лестер Туроу: «... второй путь, коммунизм, и то, что европейцы называют третьим путём — социальное государство благосостояния, перестали быть жизнеспособными альтернативами. В то время как социальное государство благосостояния, в отличие от коммунизма, выжило, по сути, оно перестало работать... Теперь капитализм “выживания сильнейших” возвышается в одиночестве. Альтернативы не существует»¹⁸. Последствия не заставили себя ждать, и в 2008 г. неолиберальную модель глобализации постиг финансовый коллапс, невиданный с 1929 г. и разразившийся в самом центре глобального капитализма — США. Фарид Закария объяснял произошедшее именно фактором предыдущих успехов этой модели, которые породили высокомерие и, как он выражается, «смерть риска», то есть абсолютизацию её привлекательных сторон и игнорирование негативных¹⁹. Вытекающие из этого экономические проблемы, по его мнению, ускорят переход к постамериканскому миру²⁰.

¹⁷ Каплан Р. Месть географии. С. 56–57.

¹⁸ *Thurow L.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Will Shape Tomorrow's World. London: Nicholas Brealey Publishing, 1996. P. 5.

¹⁹ *Zakaria F.* The Post-American World. New York, London: W.W. Norton & Company, 2009. P. xiv.

²⁰ *Ibid.* P. xxi.

В 2000–2010-е гг. стало очевидным, что выгоды от глобализации для ряда незападных стран настолько велики, что они сами претендуют на передовые позиции в мировой экономике. Ответ на этот вызов неолибералов, в первую очередь адептов англосаксонской, америкоцентричной модели капитализма, стал сугубо нерыночным – введение против конкурентов экономических и торговых санкций, повышение импортных тарифов, экспортный контроль новейших технологий, блокирование инвестиций «недружественных стран» на своей территории под предлогом национальной безопасности и «промышленного суверенитета». Другими словами – неолиберальное государство полностью подмяло под себя рыночную экономику. Такая реакция и методы, идущие в разрез с доктриной свободного рынка, стали, вероятно, последним козырем в «колоде» современного западного неолиберализма для удержания «командных высот» в мировой политике и экономике.

Однако последующая череда событий не предоставила возможности взять ситуацию под контроль – центробежные процессы в мире и снижение совокупной мощи Запада продолжались. В 2017 г., под впечатлением брексита, Ричард Хаас, объясняя свой тезис о «новом мировом беспорядке», так охарактеризовал положение дел: «Мы являемся свидетелями повсеместного отказа от глобализации и международного вовлечения и, как результат, распространения сомнений в утвердившихся подходах и политике... мы имеем дело с такими проявлениями по всей Европе, в Соединённых Штатах и практически по всему миру»²¹.

Нерыночные методы борьбы распространились не только в сфере противостояния по линии Запад – Восток, воссоздавая механизмы соперничества эпохи холодной войны, но и внутри самого Запада. Тому наглядной иллюстрацией служит усиление экономических противоречий между США и ЕС при Б. Обаме и Д. Трампе, которые не были урегулированы после прихода в Белый дом Дж. Байдена. США продемонстрировали, в том числе на примере иранской «ядерной сделки», что готовы вводить экстерриториальные, вторичные санкции против своих союзников. Задолго до этого, в 1980–1990-е гг., США уже применяли нерыночные методы борьбы с экономической экспансией Японии, например, угрожая ввести 100%-ный тариф на импорт дорогих японских автомобилей. Ещё более красноречиво об отказе американоцен-

²¹ Haass R. A World In Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. New York: Penguin Press, 2017. P. 2.

тричного Запада от рыночных инструментов в борьбе за командные высоты в мировой политике говорят санкционный прессинг, полный спектр политических инструментов давления, вплоть до гибридных войн, против соперников, которые представляют для Вашингтона не столько экономический, сколько геополитический вызов – Россия, Иран, Венесуэла, Куба и др.

Как эти противоречия в либеральной мысли предлагает разрешить Т.Г. Эш? Фактически речь идёт о постлиберализме, о выработке некоей синтетической консервативно-социал-либеральной, универсальной идеологии с опорой на классический либерализм, обогащённым рядом элементов других магистральных направлений политической мысли²². У консерватизма и национализма предлагается позаимствовать принципы сообщества и идентичности, у коллективизма – принципы равенства и справедливости. Это далеко не первая попытка «перезапустить» либерализм как основу всех основ; при этом «Конец истории» Ф. Фукуямы²³ был всё-таки пронизан триумфаторством, а размышления Т.Г. Эша – глубокой обеспокоенностью.

Однако претензия либерализма на универсализм имеет слабые перспективы уже потому, что все предыдущие попытки в истории создать единственно правильную теорию и идеологию, будь то марксизм-ленинизм или единое индустриальное общество, не говоря уже о политической философии и теории, не увенчались успехом. Претендовавшие на это как левая, так и правая политическая мысль вырождались в крайние, порой насильственные формы, не терпимые к идейным противникам²⁴. Кроме того, стремление взять лучшее у всех магистральных течений политической мысли противоречит самой природе политического процесса и законам развития партийно-политических систем, эффективное функционирование которых зависит от постоянной конкуренции и многообразия взглядов.

Намного больший интерес в рассуждениях Т.Г. Эша вызывает его анализ недостатков нынешней господствующей разновидности либерализма, которая в большинстве западных стран всё ещё рассматривается как эталонная, несмотря на все системные сбои. Речь идёт об укоренении феномена «наследственной мери-

²² *Ash T.G. The Future of Liberalism... P. 20.*

²³ *Fukuyama F. The End of History and The Last Man. New York: Free Press, 1992.*

²⁴ О превращении неолиберализма в догматическую политическую идеологию, нетерпимую к иным взглядам, см.: *Громыко Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.*

тократии» (*hereditary meritocracy*) в системе образования, которая воспроизводит правящие классы, феномена «диспаритета достоинства» (*disparity of esteem*), который выражается в пренебрежительном отношении либеральных космополитичных элит к другим менее обеспеченным и менее приближенным к власти слоям населения. Эти проблемы предлагается решать с помощью «перераспределения уважения» в обществе, отказа от социального высокомерия и культурных стереотипов, децентрализации власти, от «либерального интервенционализма». По поводу последнего Эш делает неутешительный для либеральных кругов вывод: «Дорога в ад может быть выложена либеральными намерениями»²⁵.

Однако идеализм таких рецептов сталкивается с отрезвляющей реальностью — повсеместно наблюдаются прямо противоположные явления: всё большая концентрация экономической власти в руках «давосской элиты», финансовой олигархии, медийных империй, цифровых корпораций и всё новые попытки концентрации политической власти, уход от послевоенного международного права, желание «пересобрать» мир на блоковых, иерархических началах. «Великая рецессия» и последовавшая затем пандемия, казалось бы, предоставили возможность внести существенные коррективы в модели социально-экономического развития, в отношения между различными слоями общества, найти более справедливый баланс между индивидуальным и коллективным, подтолкнуть крупные конкурирующие центры силы к сотрудничеству. Вместо этого разгон геополитического противостояния лишь усилился. На новый уровень поднялись и внутренние противоречия в США, Евросоюзе, на постсоветском пространстве, в Юго-Восточной Азии. Идеи общеевропейского дома, панъевропейской системы безопасности, общего пространства от Лиссабона до Владивостока, диалога цивилизаций находятся в глухой обороне.

Также обращает на себя внимание, что критика недостатков нынешней господствующей формы экономического и политического либерализма, стремление вырваться из прокрустова ложа догматики неолиберальной идеологии — это во многом возвращение к предостережениям и рецептам, с которыми известные политологи и экономисты выступали и в 1990-е гг. в основном с позиций «третьего», «среднего пути», «нового центра»²⁶,

²⁵ Ash T.G. The Future of Liberalism... P. 26.

²⁶ Например, см.: Giddens A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998; Blair T., Schroeder G. Europe: the third way / Die

а затем, и в 2000-е гг., с позиций «европейской мечты»²⁷. Однако вместо движения к реальной меритократии, снижению уровней социального неравенства, децентрализации механизмов принятия решений, каждый раз оказывалось, что концентрация капитала достигала новых высот, законы свободного рынка играли всё более декоративную роль, а от механизмов принуждения бизнеса к социальной солидарности, в первую очередь трипартизма, мало что сохранилось.

Политическая геометрия

Центрбежные процессы на глобальном уровне, сталкиваясь с центростремительными на региональном, стимулируют различные конфигурации стратегического взаимодействия, основанные на различных сочетаниях прагматизма и идеологических подходов. Среди них выделяются бинарная стратегия США по делению мира на демократии и авторитарные режимы, инклюзивная стратегия «большого евразийского партнёрства», «глобальная стратегия» Евросоюза, стратегии «новой биполярности» и «новой холодной войны», направленные на двойное сдерживание Западом России и Китая.

В международных исследованиях всё большее внимание уделяется анализу «геометрических фигур», цель которого — выделить наиболее важные «силовые линии» в мире и выяснить, может ли та или иная комбинация из ведущих центров силы помочь перевести международные отношения из состояния хаоса в режим упорядоченности. Пожалуй, чаще всего речь идёт о треугольнике «Китай — Россия — США»²⁸ или о четырёхугольнике с добавлением ЕС. Такие геометрические фигуры, в границах которых происходит противодействие и сотрудничество между «углами», приобретают стратегический характер, если они оказывают системное воздействие на баланс сил в мире.

Neue Mitte', London: Labour Party, 1999; *Hutton W.* The World We're In. London: Little, Brown, 2002.

²⁷ Например, см.: *Leonard M.* Why Europe Will Run the 21st Century. London, New York: Fourth Estate, 2004; *Rifkin J.* The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004.

²⁸ Например, см.: *Рогов С.М.* Неравнобедренный треугольник: Россия — США — Китай в новой геополитической обстановке // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 6—24.

Трудно не согласиться с Томасом Грэмом, что в начале 1970-х гг. указанный треугольник, действительно, стал стратегическим в рамках биполярного мира, так как динамика отношений в нём оказывала масштабное и длительное воздействие на внешнюю политику двух сверхдержав²⁹. Тогда Вашингтон применил принцип стратегической неопределённости в отношениях с Москвой и Пекином, мотивировав обе столицы искать возможности для сближения с ним. Соединённые Штаты, в свою очередь, дистанцировались от Тайваня и установили с Китаем дипломатические отношения. Параллельно Москва и Вашингтон вышли на беспрецедентный уровень взаимодействия в области стратегической стабильности и контроля над вооружениями — *detant* достиг своего пика. В результате в выигрыше оказывались все три стороны, но главным выгодоприобретателем были США. Они были достаточно уверенными в себе, чтобы пойти на ряд компромиссов с Москвой и Пекином. Стратегический треугольник времён холодной войны прекратил своё существование после развала СССР, когда новая Россия на достаточно продолжительное время потеряла статус стратегического игрока в международных отношениях.

Происходящее в последние десятилетия имеет прямо противоположный характер: США не только не заинтересованы в возрождении стратегического треугольника, но делают всё, чтобы противопоставить себя России и Китаю. С середины 1990-х гг. они провоцировали Москву политикой расширения НАТО и, начиная со времён Д. Трампа, провоцировали Пекин эскалацией ситуации вокруг Тайваня. На вооружение Белый дом де-факто взял стратегию двойного сдерживания, проводившуюся на Ближнем Востоке в отношении Ирака и Ирана в 1990-е гг., но теперь уровнем выше: Россия объявлена «непосредственной угрозой», а Китай — «системным вызовом». Если в 1970-е гг. Вашингтон был готов идти на взаимовыгодные комбинации со своими конкурентами и соперниками, то в настоящее время использует исключительно методы силового воздействия, подавления и балансирования на грани войны. Такой подход полностью заменил концепцию баланса и равновесия сил, адептами которой были Дж. Кеннан и Г. Киссинджер. Теперь стратегическое воображение Белого дома сведено к использованию угроз и санкций, в том числе против союзников. Причиной такого поведения США, как представляется, является

²⁹ Грэм Т. Китай — Россия — США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 62–72.

возрастающая неуверенность в своих силах, объективное снижение их веса в мире, растущие элементы неоизоляционизма, идеологичность мышления, пронизанного неолиберальными догмами, включая политику «смены режимов».

Имеет ли шансы стратегический треугольник возродиться? В принципе это не исключено, но на сей раз это больше зависит от Москвы и Пекина. Если им удастся своими действиями убедить (принудить) Соединённые Штаты вернуться к политике компромиссов, взаимовыгодных договорённостей и практике мирного сосуществования, тогда есть вероятность новой «разрядки». Обе столицы не раз за последние годы демонстрировали свою готовность сесть с Вашингтоном за стол переговоров и вести диалог. Тем опаснее агрессивный идеологический крен, который испытывает политическое мышление в США, лишаящий их способности к прагматизму и реализму во внешней политике. Они, судя по всему, убеждены в том, что смогут заставить две других державы действовать исключительно в соответствии с американскими интересами, тем самым не оставляя Москве и Пекину выбора, кроме как продолжать ускоренное стратегическое сближение. Очевидно, свою роль играет и фактор геронтократии в политическом истеблишменте Соединённых Штатах. Полицентризм движется к конфигурации, в которой нарастает противостояние двухполюсного Запада (США — ЕС) и двухполюсного Востока (Китай — Россия), вокруг которых расположен «манёврирующий мир» — наследник Движения неприСоединения.

По сути, до недавнего времени Вашингтон недооценивал способность Москвы оказывать серьёзное воздействие на систему международных отношений, что опровергалось её действиями в 2008 г. в Закавказье, в 2014 г. после государственного переворота в Киеве, и с 2015 г. в сирийском кризисе. Опосредованное противостояние России и Соединённых Штатов вышло на новый уровень в 2022 г., когда Москва взвинтила ставки. Со своей стороны, США, НАТО и ЕС после начала специальной военной операции на Украине открыто стали вести против России полномасштабную прокси-войну. Возвращение к концепции баланса и равновесия сил вряд ли будет возможно, пока урон от конфронтации с Москвой и Пекином не будет признан неприемлемым для США и их союзников. Это не означает, что у одной из сторон есть явное преимущество с точки зрения «стратегического терпения», — затягивание нормализации отношений больно бьёт по всем. Конфронтация на истощение является крайне недальновидной политикой, которая повышает вероятность прямого военного столкновения ядерных держав.